

Л. И. ДАКУКО, В. И. МАКСИН

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРЕДМЕТ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Борьба против буржуазной идеологии, как это подчеркивается в Программе КПСС, является важной задачей общественных наук¹. В этих условиях вполне закономерно критическое внимание к «экономикс» — современной форме буржуазной политэкономии.

В процессе перерастания доминирующей идеологии капитализма в монополистический от экономической науки потребовалось акцентировать внимание на вопросах хозяйственной практики, повышения деловой активности. «Экономическая наука, — отмечает А. Маршалл, — должна возможно ближе следовать практике повседневной жизни»². Вышедшая в этот период его работа «Принципы экономикс» (1890) представляет собой реальную попытку заложить фундамент, позволяющий расширить хозяйственно-практическую ориентацию политэкономии.

Решая вопрос о задачах и предмете экономической науки, А. Маршалл еще полностью не порывает с существующим взглядом на политэкономии как науку о богатстве, поскольку отмечает, что «она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния. Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой — образует часть исследования человека»³. Такая позиция А. Маршалла в вопросе о предмете политэкономии вполне понятна, ибо, встав на путь эклектизма, он не мог не разделять господствовавшего в то время взгляда на политэкономии как науку о богатстве. Однако понимая, что данное определение не несет должной функциональной нагрузки, поскольку не способствует усилению практической ориентации экономической науки, А. Маршалл ставит задачу сделать предметом ее исследования «главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни»⁴. Именно стремление ввести хозяйственную деятельность в предмет политэкономии послужило реальной причиной замены термина «политическая экономия» на «экономикс». К сожалению, переводчики работы А. Маршалла на русский язык не смогли по достоинству оценить научное значение данной терминологии и тем самым отдать должное заслуге автора в разработке вопроса о предмете экономической науки.

Оценивая вклад А. Маршалла в решение вопроса о предмете «экономикс», целесообразно отметить следующие моменты.

Во-первых, предпринята реальная попытка определить границы «экономикс». Используя понятие «жизненная сфера», под которой А. Маршалл понимал сферу, «где поведение человека обдуманно, где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить»⁵, он определил рамки экономической науки.

Во-вторых, четко сформулированы объективные критерии, позволяющие рассматривать «экономикс» как науку. К числу таких критериев А. Маршалл относил: возможность обращения к общедоступной и обще-

признанной статистике при расхождении во взглядах на рассматриваемые факты и величины; наличие внутренней однородности у тех проблем, которые классифицируются как экономические, поскольку они «поддаются измерению денежной ценой и образуют вполне однородную группу».

В-третьих, дана формулировка предмета «экономикс», имеющая выход на практику через изучение правил рационального хозяйствования. По утверждению А. Маршалла, «экономикс» занимается главным образом теми желаниями, устремлениями и иными склонностями человеческой натуры, внешнее проявление которых принимает форму стимулов к действию, причем сила или количественные параметры этих стимулов могут быть оценены и измерены с известным приближением к точности, а потому в некоторой степени поддаются исследованию с помощью научного аппарата»⁶. Данная формулировка предмета экономической науки способствует широкому применению математики в «экономикс», поскольку, как отмечал А. Маршалл, если качество побудительных мотивов по самой своей природе измерению не поддается, то количественное их выражение может быть приблизительно измерено деньгами.

Буржуазные экономисты, оценивая вклад А. Маршалла в развитие экономической науки, подчеркивают, что его идеи и теоретические разработки, понятийный аппарат в значительной степени определяют развитие современной «экономики». Как отмечает американский профессор А. Давентон, «авторитет Маршалла был и остается наивысшим среди экономистов мира»⁷.

Важнейшие положения А. Маршалла о предмете экономической науки получили дальнейшее развитие в работах Л. Роббинса. Об авторитете Роббинса в вопросах предмета «экономикс» красноречиво свидетельствует тот факт, что современные учебные курсы воспроизводят определение предмета экономической науки, ссылаясь на его работу «Очерки о природе и значении экономической науки». При этом подчеркивается, что попытка Роббинса определить предмет экономической науки является самой удачной и имеет непреходящее значение уже на протяжении целого полувека.

В связи с этим задача экономистов-марксистов — вскрыть и проанализировать причины столь широкого распространения в современных условиях данной трактовки предмета «экономикс».

Прежде всего следует подчеркнуть, что, по мнению Л. Роббинса, экономический анализ должен представлять собой изучение последствий необходимости делать выбор в различных условиях. Исходя из этого функционального назначения экономического анализа, «экономикс» рассматривается как «наука, изучающая поведение человека с точки зрения отношения между целями и дефицитными ресурсами, имеющими альтернативное использование... Она не стремится рассмотреть отдельные типы поведения, а акцентирует внимание на определенном аспекте поведения, определяемом фактором редкости...»⁸.

Следовательно, основываясь на методологическом принципе «альтернативного выбора», провозглашенном А. Маршаллом, Л. Роббинс сосредотачивает внимание на тех аспектах поведения хозяйствующего субъекта, которые тем или иным образом определяются существованием фактора «редкости». Объявив главным объектом исследования экономической науки поведение хозяйствующего субъекта в связи с «редкостью», Л. Роббинс как нельзя лучше включил определение предмета «экономикс» в общеметодологический арсенал буржуазной науки. По мнению самих буржуазных теоретиков, с введением «редкости» начинается новый этап взаимоотношения экономической теории и практики. Использование категории «редкость» создает основу для широкого применения в «экономикс» функционального анализа, поскольку «редкость» правомерно рассматривать как функцию ряда переменных величин, с которыми постоянно имеет дело хозяйствующий субъект.

Таким образом, трактовка предмета «экономикс» Л. Роббинсом имеет четко выраженную хозяйственно-практическую направленность. Здесь практика выступает как исходный пункт экономического исследования, поскольку «экономикс» использует опыт практической деятельности хозяйствующего субъекта, анализирует проблемы, возникающие в практике его хозяйствования. А с другой стороны — она обращается к практике, чтобы проверить, насколько выработанные практические рекомендации для поведения хозяйствующего субъекта, действующего в условиях ограниченности (редкости) ресурсов, приемлемы в реальной действительности. А там, где в качестве исходных посылок выступает экономическая действительность,

ее нужды и проблемы, существует меньше оснований для схоластических суждений и выводов.

Практический аспект определения предмета «экономикс» Л. Роббинсом возрастает также в связи с тем, что в рамках этого определения существуют объективные возможности широкого применения математики. С ее помощью высчитываются оптимальные варианты использования ограниченных ресурсов производственного назначения для удовлетворения потребностей хозяйствующего субъекта. «Включение математики в логический инструментарий «экономикс», — по мнению самих буржуазных авторов, — выступает эффективным средством усиления ее воздействия на практику»⁹.

Повсеместное признание определения предмета «экономикс» Л. Роббинса правомерно усматривать в том, что в рамках данного определения возможен пересмотр основных методологических принципов, тормозящих приближение экономической теории к реальной практической жизни. Прежде всего эту возможность буржуазные экономисты усматривают в том, что многогранная человеческая деятельность позволяет в методологии неоклассиков и австрийской школы видеть два взаимодополняющих друг друга подхода к анализу экономической реальности, а не рассматривать их как непримиримых противников¹⁰.

В целях примирения двух противоборствующих направлений современной буржуазной методологии подвергается «пересмотру» положение неоклассиков о «рациональном поведении» хозяйствующего индивидуума, действующего в условиях ограниченности ресурсов. Как известно, неоклассики под «рациональностью поведения» понимают оптимальное распределение ограниченных ресурсов. При этом «даже если в действительности люди не всегда рациональны в своих устремлениях, для теории следует предположить, что они ведут себя рационально»¹¹. Такой подход ведет к отождествлению экономической теории с моделью поведения потребителя, а в качестве критерия истинности теории выдвигает ее эмпирическую проверяемость, надежность полученных на ее основе прогнозов.

При всех достоинствах данной методологической установки буржуазные авторы усматривают в ней и ряд недостатков. Во-первых, отсутствует объективная оценка практических результатов теории, поскольку «невозможно получить объективную количественную характеристику экономических явлений, так как имеющиеся в распоряжении исследователя данные несут печать теоретических установок тех, кто собирал эти данные»¹². Во-вторых, невозможно сформулировать эмпирический текст таким образом, чтобы он позволял проверить наиболее существенные положения именно данной теории, ибо «большое число эмпирических текстов, которые существуют в настоящее время, не способствует установлению единого мнения. Каждый факт признается теми, чью теорию он подтверждает, и игнорируется теми, чья теории он не соответствует»¹³.

Названные недостатки буржуазные теоретики пытаются устранить с помощью главного методологического кредо австрийской школы: оставить за индивидуумом истинную свободу выбора, не навязывая ему строго определенного способа достижения оптимума. Сторонник подобного методологического подхода Р. Макензи подчеркивает: «Свобода меньше значит в мире, где люди совершенно рациональны, чем в мире, где существует область иррационального, которая является органической частью человеческого бытия»¹⁴.

По утверждению буржуазных экономистов, пытающихся примирить два противостоящих методологических подхода к анализу поведения хозяйствующего субъекта, единственным рациональным выходом в данной ситуации может служить так называемая концепция «логики выбора». Согласно данной концепции, экономический субъект рассматривается не как математик, решающий задачу оптимизации целевой функции при заданных ограничениях на ресурсы, а как исследователь, стремящийся познать окружающий мир, объективно оценить его, допуская истинную свободу выбора в принятии окончательного решения.

Концепция «логики выбора», на наш взгляд, позволяет буржуазной экономической науке преодолеть ряд методологических недостатков, препятствующих объективному анализу экономических явлений. Во-первых, на основе этой концепции удастся устранить главный методологический порок теории «предельной полезности», — изначальную заданность системы предпочтений хозяйствующего субъекта. Здесь индивид, располагая накопленными знаниями и опытом, формирует свою систему предпочтений, ко-

торая позволяет ему предсказывать и контролировать события. Она отражает воздействие «внешней среды» на принятие решений индивида. Во-вторых, хозяйствующий субъект в концепции «логики выбора» рассматривается одновременно и как участник процесса производства, и как член общества («социальная единица»), и как индивид, имеющий определенный психологический статус. При этом оценки индивида, по утверждению Макензи, «в большей степени отражают его социальную принадлежность, чем природную индивидуальность»¹⁵. Такой методологический подход к анализу поведения хозяйствующего субъекта позволяет в определенной мере преодолеть разрыв между субъективным и объективным, иррациональным и рациональным. Однако буржуазные теоретики, здраво оценивая перспективу практического использования концепции «логики выбора», вынуждены констатировать, что она «вряд ли приведет к созданию новой общей теории, претендующей на принципиальное решение основных проблем, а скорее будет выражаться в разработке множества альтернативных подходов к решению отдельных вопросов в конкретных условиях»¹⁶.

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 168.

² Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1983. Ч. 1. С. 109.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Robbins L. Essay in Nature and Significance of Economic Science. London. 1935. P. 16.

⁹ Sutton H. Contemporary Economics. New-York. 1976. P. 13.

¹⁰ Mc Kensie. The limits of economic science: Essay on methodology. Boston. 1983. P. 7.

¹¹ Ibid. P. 29.

¹² Beyond positive economics? London. 1983. P. 37.

¹³ Ibid. P. 42.

¹⁴ Mc Kensie. The limits of economic science. P. 35.

¹⁵ Ibid. P. 66.

¹⁶ Beyond positive economics? P. 77.

М'ХАМЕД БЕРРАФА

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОССЕКТОРА В АЛЖИРЕ

Среди множества проблем стран социалистической ориентации на переднем плане находится задача создания достаточно развитой материально-технической базы, необходимой для строительства социализма. Речь идет не просто о становлении национальной экономики, а экономики, которая способствовала бы закреплению революционных завоеваний во всех сферах жизни и обеспечила бы в перспективе реальное повышение жизненного уровня трудящихся. С этой целью во всех странах социалистической ориентации прилагаются усилия к постепенной ликвидации позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничению деятельности иностранного капитала, обеспечению государству командных высот в экономике и переходу к плановому развитию производительных сил, поощрению кооперативного движения в деревне, осуществляются другие прогрессивные мероприятия.

При всей схожести основных направлений развития стран социалистической ориентации, обусловленных как объективными причинами (тяжелое колониальное наследие, исключительно низкий изначальный уровень развития производительных сил, сохраняющаяся застойность общественных структур, отсутствие у государства необходимых накоплений для создания современного производства), так и субъективными факторами (сложность самого пути социалистической ориентации, ошибки в деятельности революционно-демократического руководства), масштабы, последовательность и глубина социально-экономических преобразований в различных странах не одинаковы.

В разработке и проведении четкой национальной стратегии развития в Алжире и некоторых других странах Африки начинает проявляться более реалистический подход к осуществлению социально-экономических задач,